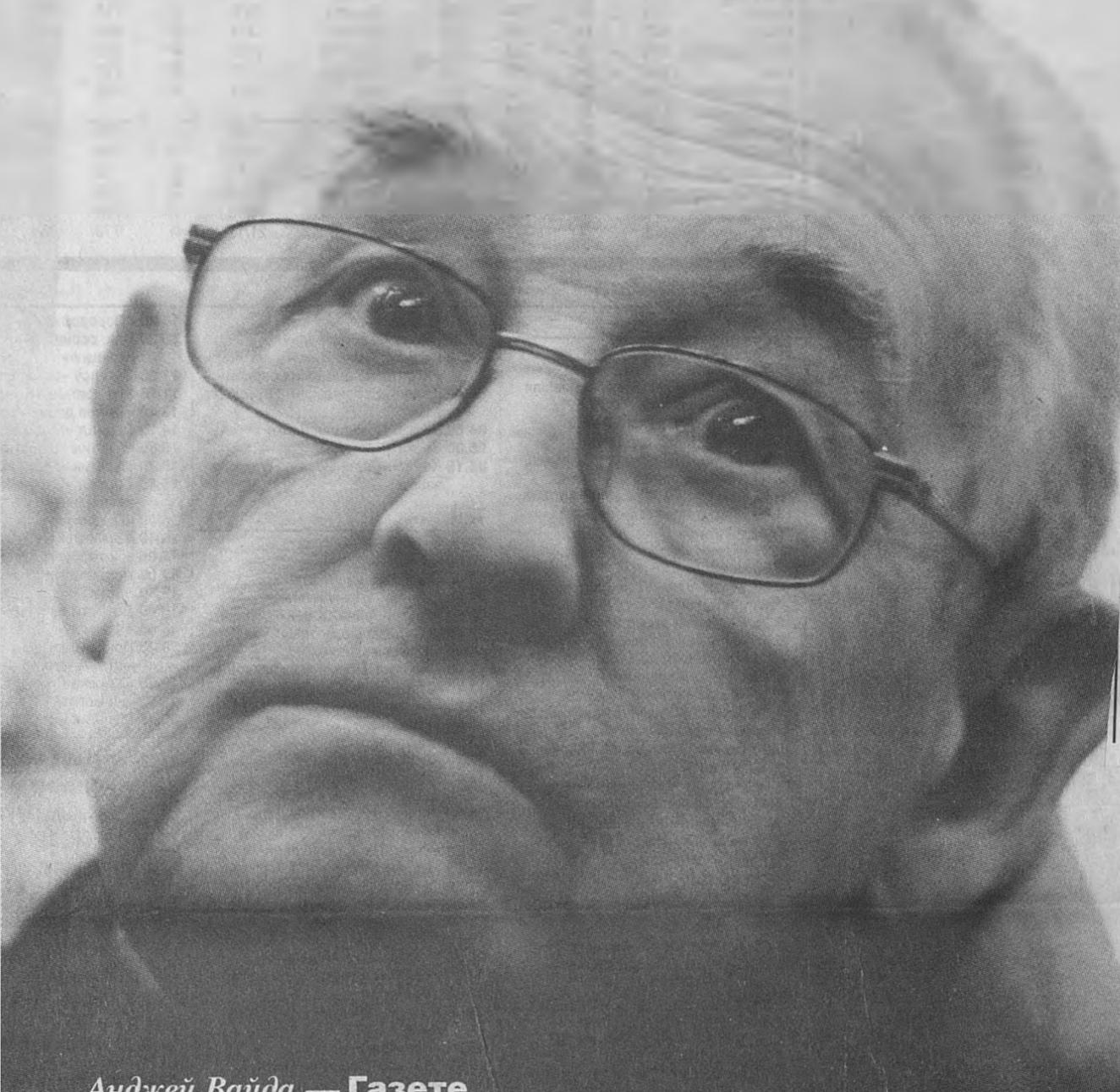
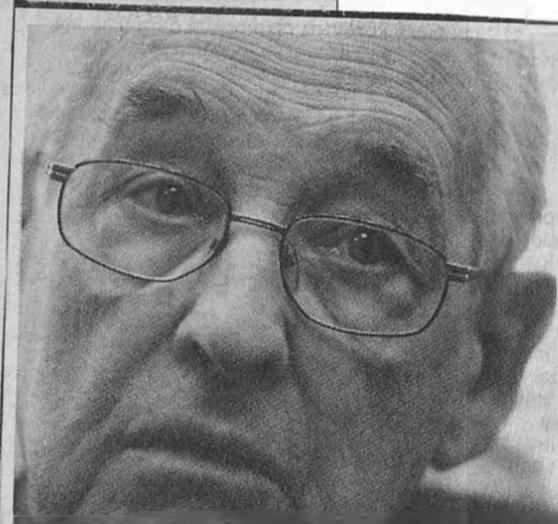

“у меня нет комплексов, я не считаю себя классиком”

Анджей Вайда — Газете

“у меня нет комплексов, я не считаю себя классиком”

Анджей Вайда — Газете

Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Великий польский режиссер театра и кино Анджей Вайда приехал в Москву, чтобы представить огромную ретроспективу своих фильмов: часть из них идет в эти дни в Доме кино, другие будут до мая показывать в Музее кино. С автором «Человека из мрамора» и «Пепла и алмаза» встретился кинокритик Газеты Антон Долин.

Вы не раз бывали в России. Что изменилось со времени вашего первого визита сюда?
Впервые я приехал в Москву в 1955 году. Тогда она была темным, мрачным, страшным местом. Даже я, приехавший из Варшавы, ощущал себя просто ужасно. В воздухе висела какая-то угроза, не было еще надежды на то, что случится годом позже и в Польше, и в России. Это был другой мир, и казалось, что он никогда не изменится. Люди боялись разговаривать, они боялись встречаться друг с другом... Теперь,

когда я смотрю на то, что происходит в России, я понимаю, что есть немало проблем — особенно экономических и социальных, — но решить их можно только в свободной стране, другого пути нет. То, что я дожил до такого, просто фантастика. Не для меня, для этой страны.

Наверняка вас — еще молодого человека — полвека назад многое удивило в России. А сейчас?
Я не осмелюсь говорить о сегодняшнем дне. Мне удалось встретиться со студентами, которые интересуются кино и театром, а это не самая представительная часть населения. Встречался я и с друзьями, с которыми когда-то делал фильмы. Вот и все, так что нет у меня такого уровня компетенции, чтобы говорить о России. Это очень сложная страна, огромная. Одна жизнь — на одном конце, а другая — за десятки тысяч километров от нее, на другом.

Окончание на странице 15

Анджей Вайда: «Нет ничего грустнее, чем старый режиссер, который притворяется молодым» Фотограф: Никита Рыбаков/Газета

Окончание. Начало на странице 01

Когда-то я прочел книгу Ричарда Капучинского «Империя». Он написал о своем взгляде на то, что происходит в вашей стране, после того как совершил путешествие по всей России. У него есть право писать об этом, а я не осмелюсь даже говорить. Но я рад, что вижу молодых людей, которые хотят делать фильмы и надеются на такое будущее. Я рад и публике, которая хочет увидеть прежние мои фильмы, и не только старой публике, но и молодым, которые открывают их для себя впервые. Это очень приятно.

Вы много общались в этот раз с молодежью. Вас обидело то, что на вас чаще смотрят как на классика ушедшего XX века, а не на современного режиссера, или вам это польстило?
Я думаю, что нет ничего грустнее, чем старый режиссер, который притворяется молодым: не самая лучшая роль. Молодежь раскрывает это сразу. Они смотрят на меня как на человека, который сделал несколько десятков фильмов, встречался с различными проблемами — техническими, организационными, человеческими. Они хотят узнать об этом подробнее, потому что в этой профессии им придется сталкиваться с подобными препятствиями. Мне кажется, что им было интересно узнать, как мне удалось снять эти фильмы в таких неблагоприятных обстоятельствах. Кино — собственность всего мира, оно быстро меняется. Польское кино всегда было частью европейского и мирового кино, и это тоже очень интересно молодым людям — то, что не остается на месте, а идет вон, в мир.
У меня нет комплексов, я не считаю себя классиком. Когда я делал «Пепел и алмаз», мне было тридцать лет, поехал снимать его в Белград. И там встретил своих друзей, которые говорили: «О, приехал старый классик». Было очень приятно. Так что я уже тогда был классиком. (Смеется.)

Вы как педагог и ваши студенты больше интересуются в разговоре о вашем опыте техническими

достижениями или же теми идеями, которые содержались и содержатся в ваших картинах?
Я стремлюсь к тому, чтобы говорить с ними об идеях. В этом им надо помочь, придать смелости, показать, что любая эпоха имеет своего героя, свои проблемы, свой мир, который должен отразиться на экране. А технические детали выплывают по ходу дела, попутно. Это честь нашей профессии — то, что она настолько трудна именно из-за техники. Но чтобы пользоваться этой техникой, надо понимать, зачем ты это делаешь. Об этом и надо стараться говорить с молодежью.

А вы не перестали чувствовать, зачем делаете то, что делаете?
Думаю, не перестал. Я постоянно стремился делать современные фильмы, только трудно было находить материал, который позволит сделать современный фильм. Перемены, которые сейчас происходят в обществе, очень глубоки. Новая действительность еще не сформировалась, и трудно ухватить этот момент, передать его.

Ваши фильмы поразительны именно оттого, что были крайне современными, почти всегда обращаясь к истории. Сейчас необходимость эзопового языка отпала, но по-прежнему вы снимаете историческое кино, чему подтверждением ваша последняя работа, «Пан Тадеуш». Почему?
Я считаю, что любое общество без ощущения истории, прошлого — это простой сброд, толпа. Если люди хотят объединиться, они должны знать, что за их плечами. Иногда история более активно присутствует в кинематографе тоталитарных стран, в которых работала государственная цензура. Было проще рассказать о современности, обращаясь к историческим событиям. Сегодня свобода позволяет нам обойтись без камуфляжа, но общество все еще желает знать, откуда оно взялось. Особенно в Европе — ее объединение вовсе не означает уравниловки. Ее страны хотят объединиться в Союз, но у каждой свое имя и своя история, поэтому это так трудно. Может быть, поэтому сейчас такую широкую публику собирают в кинотеатрах

исторические фильмы. Во всяком случае, так происходит в Польше.

Существует мнение, что лишь в тоталитарном обществе могут работать некоторые художники, фактически противостоящие государству своей деятельностью. Однако после падения режима многие чувствуют опустошение, теряют стимул к творчеству — в немалой степени это произошло в нынешней России. Вы на себе этого не почувствовали?

Нет, дело в другом. Российские художники, мои коллеги, кинорежиссеры Андрей Тарковский, Андрон Кончаловский, Никита Михалков, Марлен Хуциев, целая плеяда, как и я, пытались быть голосом, которым вещает общество. Не было свободных выборов, и у общества не было своего представительства: тогда художник становился голосом общества. Сегодня эти выборы есть, общество выбирает своих представителей, и уже они говорят его голосом. Нам не всегда нравится, как этот голос звучит, но он имеет право звучать, поскольку был выбран демократическим путем. Эти люди выступают от имени общества, а мы немножко оппозиция, и мы идеализируем это общество. Оппозиция не хочет быть представителем глупого общества, не готового к свободе. Оппозиция хочет быть представителем ценной части большинства, поэтому она сражается за свое существование. Потом приходит свобода, выбираются новые представители, а они такие... Такие, какие они есть.

Похуже, вы активный человек в политике. Это так?
О российской политике ничего говорить не буду, я в ней не ориентируюсь. Что касается Польши, то наше вхождение в Евросоюз — это условие нашего дальнейшего существования, я в этом уверен. И с экономической, и с политической точки зрения мы должны объединиться, искать общность. Надо сделать все возможное, чтобы убедить общество в этом. Восьмого июня будет проходить референдум, и я, как и другие интеллектуалы, сделаю все возможное, чтобы быть вовлеченным в это дело. Чтобы общество сделало правильный выбор.

Вайда отвечает

17.04.03